

**ИЗ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ В НИЦШЕАНЦЫ:
ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРАТИВА ГЕРОЯ СОВЕТСКОЙ
И ПОСТСОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Г.Ю. Квятковский

Автор анализирует изменения литературного героя экзистенциальной литературы, приходит к выводу о том, что литературный экзистенциализм существует в двух версиях: чистая экзистенциальная литература и симулированная экзистенциальная литература, действия героя которой и его картина мира могут быть прочитаны с позиций ницшеанства.

Ключевые слова: массовая литература, экзистенциализм, ницшеанство, императив, симулякр, рок-музыка, литературный герой.

Одним из философских направлений, привлекающих внимание широкой аудитории, является экзистенциализм во всех его проявлениях. Снова и снова появляются фильмы и книги, содержащие, по крайней мере, в описании «обращение автора к экзистенциальным проблемам», переиздаются

ставшие классикой экзистенциализма «Маленький принц», «Фиеста» и «На Западном фронте без перемен», актуализируются вечные смысло-жизненные проблемы – и в этом смысле экзистенциализм оказывается актуален. Следует отметить, что в плане академической философии экзистенциализм практически не обновляется, редкие научные статьи упоминают поздних представителей экзистенциализма, таких, как О.Ф. Болльнов, Н. Аббаньяно, И. Ялома, гораздо чаще всего цитируются работы Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и А. Камю. И это заставляет задуматься, является ли экзистенциализм «живой» философией, или он уже образовал собственный канон, за пределы которого ему выйти не суждено, обозначил проблемы одного «потерянного» поколения и остается только пустышкой для всех последующих?

В свое время подобную судьбу предрекали марксизму – с падением СССР и переходом стран Варшавского договора от коммунистической идеологии к капиталистической – однако, время от времени появляются исследователи, которые, подобно Ленину, начинают полемику об учении Маркса, пытаются приспособить его взгляды к требованиям текущего политического момента и марксизм «... снова становится живой динамичной системой, где идут споры не очень вежливые, идут реальные дискуссии» [3]. В философии экзистенциализма подобных оживляющих дискуссий не наблюдается – ожесточенные дискуссии ведутся, главным образом, по трем вопросам: 1) является ли экзистенциализм философским направлением или литературным; 2) была ли создана экзистенциалистами своеобразная философия или они «...занимались полным надувательством» [1]; 3) был ли экзистенциализм искренним выражением свободного мятущегося духа или всего лишь попыткой «пощекотать нервы» себе и окружающим обращением к эмоционально сильным темам? Из-за отсутствия новых тем для дискуссий, на взгляд автора, можно констатировать упадок экзистенциальной философии, не случайно еще в 1955 г. О.Ф. Болльнов говорил о необходимости преодоления экзистенциализма и намечал пути выхода из него через поэзию (в частности, Р.-М. Рильке), и, возможно, это преодоление оказалось удачным.

Мы говорим лишь об упадке экзистенциальной философии, но не экзистенциальной проблематики в целом. Возможно, именно лакуны теоретического осмысления экзистенциальных проблем современности в философии заставляет обращаться к ним искусство и прикладные науки, например, психотерапию, и это выводит экзистенциализм за пределы собственно философии в художественную, научную и жизненную практику, хотя и necessarily обогащает экзистенциалистскую теорию.

Одной из сфер практического приложения экзистенциальной философии с самого ее возникновения была литература. В мировой литературе сложилась богатая традиция, основы которой были заложены Э. Хемин-

гузем, Э.-М. Ремарком, А. Камю, Ж.-П. Сартром, А. де Сент-Экзюпери, получившая развитие и после Второй Мировой войны в американской и европейской литературе, правда, проблематика литературы экзистенциализма постепенно утрачивает значимость, которую она имела для «разбитого поколения». Уместно привести цитату, характеризующую роль экзистенциализма в литературе: «В конечном итоге французский экзистенциализм, родившийся в условиях войны и национальной катастрофы, стал той питательной средой, на почве которой выросло и воспитывалось целое поколение французских интеллектуалов, ставшее позднее участником протестных акций в мае 1968 г. Впоследствии влияние экзистенциализма как философского движения постепенно пошло на убыль, уступив место новым тенденциям, но вместе с тем экзистенциалистская проблематика, которая поставила в центр своих размышлений проблему внутреннего мира человека, его надежд и страхов перед лицом внешних вызовов, всегда будет созвучна массовой психологии современного общества с его ощущением “перманентного кризиса” и иррационализма современной политики» [5].

В отечественной литературе роль экзистенциализма исследована недостаточно, но в настоящий момент ясно, что сам факт существования экзистенциализма в русской литературе проблематичен. Существует точка зрения о том, что экзистенциализм в русской литературе не сложился как цельное направление, но отдельные черты экзистенциализма присутствуют в творчестве писателей, переживавших экзистенциальные ситуации – например, войну, тяжелую болезнь, заключение в тюрьмах и лагерях [11]. Следствием принятия такой позиции является соблазн записать в экзистенциалисты всех, кто писал о войне – если при этом объектом осмысления являлась жизнь человека, ее смысл, зависимость от случайных факторов, хотя сложно представить себе, что к экзистенциалистам могут быть отнесены такие произведения, как «Жизнь и судьба» В. Гроссмана или «Судьба человека» М. Шолохова. Вероятно, все же следует разделять собственно экзистенциалистскую литературу и литературу, обращающуюся к экзистенциальной тематике. Если к первой группе стоит относить именно корпус философских и художественных сочинений собственно экзистенциалистов, то для второй могут быть характерны «мотивы одиночества, отчуждения, духовного развития личности, как подлинного существования, а также мотивы обреченности, безнадежности, борьбы противоречий, тревоги и духовной тошноты» [10], но сами они не принадлежат к экзистенциалистам, и даже вышеприведенные мотивы могут рассматриваться в полемическом ключе, либо с принципиально иных позиций.

Безусловно, вторая группа произведений имеет лишь косвенное отношение к экзистенциалистам. При переносе академической философии на литературную почву неизбежно возникают искажения, упрощения и абстракции, характерные для самого метода художественного творчества, но в

нашем случае имеет место еще и опрощение проблематики, возникшее вследствие адаптации экзистенциализма к современным техническим средствам и интересам массовой аудитории. В результате мы имеем дело с симулированной версией экзистенциализма, представляющей интерес хотя бы тем, что в ней не в полной мере проявляются свойства симулякра, описанные Ж. Бодрийяром. Безусловно, в современной литературе, обращающейся к экзистенциальной тематике, имеют место «серийное производство» и «бесконечная репродуктивность» симулируемых сильных чувств в обстановке безнадежной борьбы, но в том же время эти произведения не могут быть признаны в полной мере эквивалентными, а также для них может быть характерна определенная аура, исчезновение которой при массовом копировании характерно для эпохи симулякров.

Симуляцию экзистенциализма облегчает и тот факт, что мы перемещаемся от крупных литературных жанров к малым. Конечно, чтобы изобразить весь массив экзистенциальных переживаний человека, потребуется не менее чем создание эпического романа. Но подобный эпический роман может быть образован не одним текстом, но совокупностью текстов, а иногда вдобавок к ним еще и авторским жизненным проектом. В конце концов, действительно, экзистенциальная проза А. Камю или театр Ж.-П. Сартра позволяли себе наметить глубину переживаний, не описывая их целиком, а для подобных наметок вполне достаточно малых литературных форм. Так, Н. Елисеев напоминает, что «экзистенциализм был с самого начала связан, сцеплен с бульварщиной... В его [А. Меринова] рассказах экзистенциальная проза возвращается к одному из своих “истоков” – к газетным, бульварным “ужастикам” начала века, к низкопробному грубому гиньолю» [2].

Ориентация на вкусы и интересы массовой аудитории играет злую шутку с самим принципом отнесения произведения к определенному жанру. Так, основанием для определения тематики произведения как экзистенциальной является не в последнюю очередь восприятие ее аудитории в качестве таковой. Массовая аудитория относит к экзистенциальным произведениям прозу В.С. Маканина и В.В. Ерофеева («Москва – Петушки»), авторскую песню Б.Ш. Окуджавы и В.С. Высоцкого, рок-поэзию В. Цоя и Шнура, практически любые фильмы на военную тематику, рок-музыку во всех ее проявлениях, политический акционизм в визуальных искусствах и так далее. Например, приводятся следующие основания для отнесения в сферу экзистенциализма рок-музыки: «Момент выбора миссии рок-музыканта всегда неразрывно связан с экзистенциальным поступком – с отказом от определённой жизненной перспективы: от полученной профессии, от стабильного места работы, от размеренного образа жизни, даже от своего привычного внешнего облика. Характерно, что выбор творчества осознавался рок-музыкантами как жизненное призвание, судьба, рок, от

которого невозможно уйти» [9]. Хотя все сказанное безусловно верно для отдельных случаев – действительно находились люди, рискнувшие работой, хорошими жизненными перспективами, разорвавшие привычный круг общения – генерализация указанного выбора позволяет любого рок-музыканта воспринимать как борца с некой абстрактной системой, даже если он элементарно не владеет навыками музыкального исполнительства и не нашел себя в других музыкальных жанрах.

Взяв для исследования русский литературный экзистенциализм в симулированной форме, зададимся вопросом: «Каков он?» Для ответа на него надо уделить внимание не столько текстам самих произведений, сколько восприятию и интерпретации этих текстов аудиторией. Среди авторов, относимых к экзистенциализму, но в то же время не высказывавших явно экзистенциалистских взглядов, по поводу текстов которых существует значительное количество интерпретаций, позволяющих сформулировать существенные черты симулякра, нами был выбран для исследования кейс В. Цоя. Лирический герой его текстов практически единогласно – с поправкой на обыденную терминологию массовой аудитории – признается экзистирующим, но в то же время, как это будет показано в выводе нашей работы, эта интерпретация имеет шанс оказаться как истинной, так и ложной. Итак, на указанном примере выделим существенные черты «экзистенциализма»:

- Герой находится в состоянии романтизируемого одиночества (возможно, искусственно созданного), проживает в воображаемом мире, противостоящем реальности окружающих («В. Цой и «Кино» уже не разворачивают линию социального противостояния, поэтика их ряда – это скорее портрет внутреннего ощущения и определенного поколенческого восприятия действительности... Хотя следует заметить, что на этом фоне, так или иначе, разворачивается энергия действия. Да, пожалуй, это и придавало романтизм происходящему: во всем этом была Энергетика Поступка. Контуры его были не ясны: конкретного рецепта тогда получить было невозможно, но интенция – импульс движения, если хотите, ответственность задалась» [6]).

- Поступки и решения героя иррациональны и не могут быть интерпретированы рациональным образом («Истинное, искреннее творчество никогда не может быть проанализировано, «понято» умом. Скорее всего, оно должно быть прочувствовано» [8]).

- Амбивалентность сюжета, героев, мира, в котором они действуют («Более того, поражает лаконичность и в то же время многоплановость Цоевских текстов. Одну строку можно переосмысливать несколько раз, и в каждый раз по-новому» [8]).

- Окружающий мир является предметом аксиологической оценки, как правило, в полярных терминах без промежуточной стадии («В его воспри-

ятии мир был плох по сути своей, потому что “между землей и небом война”, а отдельные люди, режимы или эпохи лишь отражали этот изначальный дефект мироздания. В цоевском экзистенциализме крылась и грусть его последних вещей – нельзя быть счастливым в пространстве, где так много страданий. “И вроде жить – не тужить” можно, когда все хорошо у тебя лично, но если ты как творческая личность ощущаешь миллионы других судеб, то печаль не уйдет никогда» [12]).

- Ощущение смутного беспокойства, не находящее разрешения в действии («Можно считать примитивными строчки: “И вроде жив и здоров, и вроде жить – не тужить, так откуда взялась печаль?” – но не найти лучшего определения экзистенциализма, ключевого понятия русской культуры со времён Достоевского» [7]).

- Требование изменения мира – не обязательно своими силами, но для всех («Мы жаждали сами не зная чего, перемен не важно каких, хотели походить на Виктора Цоя, искали в себе героев, способных вскочить в седло и пришпорить время...» [4]).

- Необычность любых проявлений автора и лирического героя с точки массовой аудитории («Изображать Виктора Цоя просто человеком кажется даже кощунственным. Разве мог обычный смертный добиться столь необычайной популярности?» [13]).

В итоге мы видим, что от экзистенциализма в его симулированном варианте остается только внешняя сторона – при возможно полной замене императива действия. Герой чистого экзистенциализма требователен, прежде всего, к себе, его установка – удержаться от скатывания в абсурд и быть в ответе за свои решения (а также за «тех, кого он приручил»). Симулированный экзистенциализм обходит проблему ответственности стороной, он желает решить проблемы неопределенности существования, но не обязательно готов сделать это своими силами, либо требуя этого от других, либо оставаясь в том же неопределенном состоянии и делая его предметом особого культа. Его императив может быть определен как «пожелай мне удачи» (или «попробуй спеть вместе со мной, шагай рядом со мной»), что означает острое переживание риска существования с одновременной уверенностью, что желающий удачи уже сделал выбор и оказался на нужной стороне; те же, кто оказался на противоположной, особого внимания не заслуживают, их экзистенциальный выбор, возможно, еще впереди, а до тех пор «всем, кто ложится спать – спокойного сна».

И здесь мы наблюдаем особый парадокс симуляции экзистенциализма. Его герой, требующий прочтения с позиций экзистенциализма, с той же степенью вероятности может быть прочитан и как ницшеанский герой. Когда дело дойдет до действия, он не ограничится описанием своего неопределенного состояния и поисками смыслов собственной жизни, но распространит свои экзистенциальные поиски до масштабов общества или всего

человечества и потребует всеобщего участия в них, а отказавшихся определит в ранг обычных людей, «тех, кто ложится спать». Он ощущает себя не ответственным за собственную жизнь или жизнь тех, «кого он приручил», но носителем интуитивного откровения, явленного ему в пограничной ситуации. Общество, в котором он оказался, виновно – тем, что остальным такого откровения явлено не было, а поэтому у героя оказывается равно возможными два пути – отказ от явленного ему пути или мессианство и представление на «суд откровения» всех окружающих, как правило, этого суда не выдерживающих. В любом случае, можно говорить, что для такого героя все философские вопросы уже решены, и это тоже не должно представляться удивительным – поиски смысла слишком мучительны, чтобы выставлять их напоказ в массовой литературе.

Таким образом, можно утверждать, что русский литературный экзистенциализм существует в двух вариантах – чистая экзистенциальная литература и симулякр экзистенциализма, который в итоге закономерно вырождается в чистое нищезанятие, и причиной этого вырождения становится неравенство героя окружающим. С того момента, как попавший в пограничную ситуацию герой вернулся к жизни и осознал, что другие еще и не приступали к осознанию смысла жизни, его действия становятся близки действиям Сверхчеловека, очищающего мир от устаревших ценностей и их носителей.

Библиографический список

1. Ансен, А. Застольные беседы с Уистеном Оденем [Электронный ресурс] / А. Ансен // Сайт «Журнальный зал». – URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/ansen.html>.
2. Елисеев, Н. Мыслить лучше всего в тупике: Кое-что об экзистенциальных мотивах в нашей литературе [Электронный ресурс] / Н. Елисеев // Сайт «Журнальный зал». – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/12/eliseev.html.
3. Кагарлицкий, Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во ЭКСМО, 2006. – С. 51.
4. Пальшина, М. Фигуры памяти [Электронный ресурс] / М. Пальшина // Самиздат. – URL: http://samlib.ru/m/margo_pa/figuryepamjati.shtml.
5. Полякова, Н.В. Французский экзистенциализм: политическая философия в условиях национальной катастрофы [Электронный ресурс] / Н.В. Полякова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://goo.gl/pekQNN>.
6. Попов, А. Гуманитарные карты новой страны [Электронный ресурс] / А. Попов // Сайт Владимира Кудрявцева. – URL: <http://goo.gl/5cFgd4>.
7. Рязанов, С. Четверть века с Цоем [Электронный ресурс] / С. Рязанов // Сайт газеты «Аргументы недели». – URL: <http://argumenti.ru/culture/n500/411379>.
8. Свитыч, А. «Перемен!» – требуют наши сердца: «быть» vs. «иметь» в творчестве Виктора Цоя [Электронный ресурс] / А. Свитыч // «StyleDelo» – о людях для людей. – URL: <http://www.goo.gl/NSXBv8>.

9. Смирникова, Е.В. Экзистенциальные основания отечественного рок-андеграунда 1980-х годов [Электронный ресурс] / Е.В. Смирникова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://goo.gl/ZBApY6>.

10. Фаленкова, Е.В. Л.Н. Толстой как предшественник экзистенциализма [Электронный ресурс] / Е.В. Фаленкова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://goo.gl/pBaxFI>.

11. Шумбасова Е.В. Экзистенциализм и военная проза советского периода / Е.В. Шумбасова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 48–52.

12. Щербак-Жуков, А. Виктор Цой, каким он был и каким его воспринимали [Электронный ресурс] / А. Щербак-Жуков // Сайт «Независимая газета». – URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-07-21/1_glavnaya.html.

13. Ярдаева, М. Виктор Цой: кто будет петь, если все будут спать? [Электронный ресурс] / М. Ярдаева // Сайт «Журналистика Марины Ярдаевой». – URL: <http://yardaeva.ru/content/262.html>.

[К содержанию](#)